

ВОЗВРАЩЕНЦЫ

А. В. ПЕШЕХОНОВ

Большевики и государственность

Вскоре после моего приезда за границу в одной из здешних газет — помнится, в «Руле» — была приведена выдержка из сочинения Л. Н. Толстого о Петре Великом¹. Характеризуя последнего самыми ужасными чертами, Толстой вместе с тем издевается над историками, которые выдумали и приписали этому извергу и пьянице великие государственные заслуги и таким образом не только подыскали ему оправдание, но и возвеличили его в глазах потомков. Приведя эту выдержку, газета сопровождала ее ироническим комментарием в том смысле, что, пожалуй-де, найдутся люди, которые придумают и припишут большевикам тоже какие-нибудь государственные заслуги, чтобы оправдать все их жестокости.

Я считаю себя обязанным поднять эту перчатку и сказать несколько слов о «государственных заслугах» большевиков. Конечно, не для того это я делаю, чтобы оправдать все содеянное ими, и не потому, что нахожу удовольствие быть «адвокатом дьявола». Нет! Я должен предупредить об опасности, которая при известных условиях может угрожать России, если «государственные заслуги» большевиков не будут своевременно признаны. А что такая опасность угрожает нам, — это ясно уже из приведенного иронического комментария газеты и из многого другого, что я успел услышать за границей.

Да, большевики, по моему убеждению, сделали большое дело, и я прямо назову его: они восстановили русскую государственность... «Как так? Они именно разрушили ее!».. — несомненно, воскликнут многие читатели. Не отрицаю. Да, большевики — не одни они, но, главным образом, они — эту государственность разрушили, но они же ее и воссоздали. Припомним, как было дело...

27 февраля 1917 года старая государственная власть была низвергнута. Явившееся ей на смену Временное правительство государственною властью — в истинном смысле этих слов — не было: это был только символ власти, носитель ее идеи, в лучшем случае — ее зародыш. Воплотить в себе истинную государственную власть Временное правительство не смогло или не сумело, — считайте, как хотите. Факт тот, что при нем государственная власть не была восстановлена.

Вместе с низвержением старой государственной власти началось быстрое разрушение и того механизма, при посредстве которого она осуществляла себя и при отсутствии которого никакой государственной власти быть не может. В Петрограде это произошло одновременно с низвержением самодержавия. Аппарат государственного управления был сразу же испорчен, а в тех его частях, которые с точки зрения осуществления государственной власти являлись наиболее необходимыми, он и вовсе был разрушен. Суд, полиция и другие органы государственного принуждения были сметены без остатка. Вместе с тем исчез и другой устой государственной власти: петроградские войска в том виде, в каком они вышли из переворота, никак уже не могли служить для нее опорой, а скорее являлись угрозой. Этот разрушительный процесс быстро распространился на все местные органы, вплоть до самых низших, и на всю армию, как в тылу, так и на фронте.

До широких масс населения сознание, что государственная власть исчезла, дошло, конечно, не сразу. В деревнях оно дало себя знать только в мае, в глухих же местах и того позже, а на фронте оно обнаружилось с полною наглядностью во второй половине июня. Если хоть какой-нибудь государственный порядок и продолжал еще держаться, то, главным образом, по инерции. Сил, чтобы поддерживать его принудительно, уже не было.

Новый аппарат государственного управления складывался крайне медленно. От чего это зависело, — я сейчас говорить не буду. Факт тот, что органов самоуправления даже осенью в сельских местностях еще не было, а органы государственного принуждения так и не были приведены в систему. К созданию новой вооруженной силы, на которую могла бы опереться государственная власть, вовсе не приступали, — до конца жили надеждою, что удастся удержать от развала старую армию.

В разрушительном процессе большевики сыграли выдающуюся роль. Вместе с тем они являлись главной помехою для установления нового государственного порядка. Своим же переворотом они, можно сказать, добились русскую государственность: окончательно развалили армию и смели с лица земли и те зачатки нового

государственного аппарата, какой пыталось построить Временное правительство. Страна была ввергнута буквально в анархию.

Ни законодательной, ни судебной, ни административной власти, в сущности, не было. Законодательствовал, кто хотел, и каждый молодец — на свой образец. Литовский полк, квартировавший на Васильевском острове в Петрограде, издавал декреты для всей России, но, конечно, и на Васильевском острове, где он их расклеивал, сила их была по меньшей мере сомнительна. Законодательная власть Смольного была немного разве сильнее. Даже расклеивать свои декреты она не везде была в состоянии. В революционный трибунал — даже в Петрограде — мы первое время ходили, как в театр, где ставятся самые веселые фарсы. Да и сам трибунал, видимо, не очень верил в свою силу, и на первых порах ограничивался все больше «общественным порицанием». Бессилие административной власти в первые месяцы владычества большевиков я мог бы иллюстрировать рядом эпизодов из собственной жизни, но возьму лучше следующий. В марте или апреле 1918 г., т. е. примерно через полгода после большевицкого переворота, встречаю как-то в Москве шофера, который ездил со мной, когда я был членом Временного правительства. Поздоровались, как старые знакомые.

— Ну, что, — спрашиваю, — как поживаете? Когда-то царя возили, а теперь кого возите?

— Ничего не поделаешь, — говорит, — приходится большевикам служить... Ну, да я тоже им не очень поддаюсь. Вчера товарищ (и он назвал одного из наркомов) прислал, чтобы автомобиль ему подать, ну а я, как секретарь нашей организации, письменно ему ответил: «Есть власть наверху, но есть власть и внизу, — не дадим автомобиля!» ...

Когда власть внизу не менее сильна, чем наверху, то можно сказать, что никакой власти нет. Поэтому то в то время даже в Петрограде легко было не признавать советскую власть, — хотя, конечно, не так легко, как теперь живущим за границей.

Но добив русскую государственность, которая с точки зрения большевиков являлась не больше, как организацией классового господства буржуазии, они вынуждены были немедленно же приступить к ее воссозданию в интересах собственного господства. Они проявили при этом небывалую энергию, упорную настойчивость и дьявольскую изобретательность. Они ни перед чем не останавливались. Самая безответственная демагогия, наглый обман, бесчеловечная жестокость — были главными их орудиями. Они натворили массу нелепостей, довели народ до неслыханного голода и одичания, всю страну залили кровью...

Но русская государственность была воссоздана. В течение истекших пяти лет большевики восстановили всю полноту государственной власти и вновь распространили ее на необъятную территорию от Днестра до Великого океана и от Ледовитого до Афганистана и «Пламенной Колхиды».

Труднее всего, конечно, было воссоздать армию, являющуюся в конечном счете главной опорой государственной власти. Помню, в середине 1918 года я беседовал с генералом Болдыревым, которому Союзом Возрождения было поручено обдумать эту задачу. Он находил ее невероятно трудной. В самом деле, можно найти несколько сот и даже тысяч людей, которые ради идеи, из честолюбия, из-за материальных выгод дадут связать себя дисциплиной и согласятся рисковать далее жизнью. Но ведь нужны не сотни и не тысячи, и даже не десятки тысяч, а сотни тысяч и, быть может, даже миллионы людей, — и именно людей, готовых немедленно идти на смерть. Воссоздавать армию приходится ведь не в мирное время, а среди врагов, нападающих со всех сторон. Где же гарантия, что власти — и какой еще власти! только что зародившейся, неокрепшей и непризнанной — удастся мобилизовать десятки и сотни тысяч людей? Где гарантия, что даже собранные и наспех обученные они будут подчиняться велениям этой власти? Не предпочтут ли они просто разойтись по домам и лесам, чем идти на смерть? Можно, конечно, других собрать, но где же гарантия, что не повторится то же самое? Ведь это без конца может длиться, как сказка про белого бычка. Но может и сразу оборваться. Прежде чем разбежаться по домам, войска могут ведь низвергнуть самую власть. Если старая армия, находившаяся под давлением многовекового внушения, что от государственной власти никуда не скроешься и никогда от нее не избавишься, в конце концов перед лицом врага взбунтовалась и разбежалась, то чем можно сдержать новую? — новую, которая знает, что государственную власть можно низвергнуть и среди которой многие, быть может, сами в таком низвержении участвовали?

Большевики преодолели эти невероятные трудности. Не сразу им удалось создать армию, достойную этого имени, — немало и у них было неудач. Смеху было подобно, но только не до смеха было тогда, когда они свою «красную гвардию» отправили на фронт сражаться с немцами. При помощи этой вооруженной силы можно было «национализировать» банки и даже разогнать Учредительное собрание, но, конечно, она не могла противостоять немецкой армии ни по численности, ни по организованности, ни по дисциплинированности. Целые отряды красноармейцев разбегались при виде одного немца. И немцы триумфальным маршем

продолжали двигаться к Петрограду. Большевики не смутились. Они заключили «похабный мир» и получили «передышку». А тем временем изобрели латышей, венгерцев, китайцев и при их помощи начали управлять Россией и воссоздавать русскую армию. Этой силы было достаточно, чтобы распространить кровавую деятельность чеки на всю советскую территорию и даже для того, чтобы изловить достаточное количество дезертиров и превратить их в красноармейцев, но и она не могла сковать созданную таким путем армию. Не сразу удалось ее скрепить и внутренним цементом — мобилизованными коммунистами. Армия продолжала рассыпаться, — и не раз казалось, что вот-вот она совсем рассыплется. Будущий историк, вероятно, с недоумением остановится на перипетиях нашей гражданской войны. Как это объяснить: то белые гнали красных, то красные — белых, и не раз это было, а много раз и на всех фронтах. А секрет был прост: то у красных армия разваливалась, то — у белых, ну и бежали чуть не врасыпную. А затем вновь собирали и подтягивали армию и вновь шли в наступление. Нервы у большевиков оказались крепче, они проявили больше настойчивости, да и в верхах у них было больше единодушия. И в конце концов они победили на всех фронтах. При этом советская власть вышла из борьбы с неразвалившейся, а в некоторых своих частях и закаленной армией. В условиях мирного времени ее было несравненно уже легче обеспечить надлежащим командным составом, снабдить всем необходимым и дисциплинировать.

И это в значительной мере, несомненно, уже сделано... Трудно судить со стороны. Но я должен сказать, что советские войска своей выправкой, дисциплинированностью и вообще своим внешним видом производят в последнее время очень не дурное впечатление. Конечно, и эту армию нельзя считать застрахованной от развала, — да и какую армию в наше время можно считать от этого застрахованной? Но мне кажется, что государственная власть уже может без особого риска опереться на нее во внутреннем управлении, а при известных условиях — и во внешней борьбе.

Над восстановлением аппарата государственного управления большевикам пришлось еще больше повозиться, чем над воссозданием армии, — и не потому, что это дело само по себе было чересчур уж трудно, а потому что они совершенно не умели за него взяться. И то мешало, что государственному аппарату они долго старались придать классовый характер. Бесчисленное количество раз и во всех почти частях они строили его, ломали, опять строили и опять ломали. Глядя со стороны, только и можно было сказать: «Как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь». И дей-

ствительно, сколько-нибудь опытных «музыкантов» в их среде совсем не было. Но понемногу научились, а у некоторых и талант оказался. Главное же, они сообразили, что без «спецов» и в этом деле не обойтись. Не всегда коммунисты могли их оценить и в них разобраться, но за спецами дело во всяком случае не стало, — они были привлечены даже в избыточном количестве. Да и вообще весь аппарат был доведен до необычайно громадных и совершенно непосильных для страны размеров. Тогда — под давлением, главным образом, материальных затруднений — советская власть начала сжимать и упрощать его. Эта операция еще не закончена. Да и в других отношениях государственный аппарат нельзя считать совершенным: в нем много неуклюжего, ненужного, нецелесообразного и даже нелепого.

Но он отнюдь не представляется таким смехотворным, каким был в начале, и уже в теперешнем своем виде достаточно удовлетворительно служит своему назначению. Он является надлежаще дифференцированным и специализированным в отдельных своих частях, а с другой стороны, достаточно разветвленным, охватывает все сферы жизни и всю территорию, доходит до самого низа. Отдельные части его более или менее притерты друг к другу и согласованы, и теперь уже нет почти разнобоя между ними, нет, в частности, и того разнобоя между центральными учреждениями и местными органами, который долгое время являлся характерным для советского аппарата. Государственная власть может быть уверена, что ее веления без особых искажений дойдут до любого пункта территории и почти везде найдутся органы, которые наблюдают за их выполнением.

Деятельность этих органов уже введена в известные рамки и регулируется целым рядом декретов, положений, инструкций. Когда-то г. Стучка² в руководство судьям только и мог предложить, что собственное их революционное сознание да программы-минимум партий с.-д. и с.-р. Теперь, как вы знаете, имеются уже уголовный и гражданский кодексы, установлены формы судопроизводства и т. д. То же — и в других областях. Взять хотя бы законодательную деятельность. Конечно, если понадобится Ц. К. коммунистической партии проведет нужный ему декрет в несколько часов. Но по общему правилу теперь всякий законопроект проходит уже ряд инстанций, передается на заключение ведомств и т. д. Это уже гарантирует, по крайней мере, от тех неожиданностей, которые нередко оказывались в опубликованных декретах для самой советской власти. Конечно, в нормах, какими руководятся советские учреждения, остается немало пробелов, имеется, быть может, еще больше излишней регламентации, самые

эти нормы плохо еще согласованы между собою и в них немало найдется нелепого, даже безграмотного, но и за всем тем нельзя не признать, что выполнена уже громадная работа по урегулированию деятельности государственных органов.

Выполнена и еще одна, быть может, самая важная и трудная задача в деле воссоздания государственности: в сознании населения восстановлена принудительная сила государственной власти. Признаюсь, будучи членом Временного правительства, я со страхом думал об этой задаче, которая была, конечно, одной из самых неотложных. Кто и как заставит население выполнять веления власти? Кто и как, в частности, принудит его вносить подати и выполнять повинности? Одними увещаниями этого не сделаешь. Нужна систематическая, не останавливающаяся перед репрессиями, настойчивость. Найдется ли у новой власти суровая решимость за это «грязное дело» взяться? Или, вот, она так и будет со дня на день его откладывать? Ну, а в таком случае ясно ведь, никогда она настоящей властью и не будет... Конечно, у нее были мотивы, чтобы медлить: нужно подождать, пока революционный пыл остынет; необходимо сначала аппарат построить; лучше всего подождать, пока придет подлинный хозяин земли русской, когда соберется Учредительное собрание... Словом, необходимой решимости все не хватало.

Большевики эту суровую решимость в себе нашли. Больше того: они проявили невиданную и для существа дела совершенно ненужную жестокость. И своего они добились... Выше я упомянул, что большевистские декреты выполнялись на первых порах далеко не в полной мере, а иногда и в ничтожной доле, потому что, с одной стороны, они были дики, нелепы, невыполнимы, а с другой — и советский аппарат не в состоянии был настигнуть всех уклоняющихся. Но кого он настигал, тому пощады уже не было. По мере совершенствования этого аппарата возможность, а стало быть, и склонность уклоняться становились все меньше и меньше. И теперь, можно сказать, большевистские декреты не всуе пишутся: они исполняются почти так, как и надлежит исполняться законам. В частности, и налоги вносятся достаточно исправно.

Русская государственность восстановлена... О, я отнюдь не являюсь сторонником тех методов, которыми большевики это выполнили. Да и большевистскую государственность я не только не считаю совершенною, но и нахожу ее гораздо хуже той, которую они разрушили. Я продолжаю думать, что при помощи несравненно более мягких приемов можно было достигнуть несравненно лучших результатов. Но и за всем тем «государственной заслуги» большевиков я отрицать не стану.

Больше того. Я готов обратиться к любому из претендентов, рассчитывающих воссесть на место Ленина, и сказать: не разрушайте того, что большевиками уже сделано! Не разваливайте советской армии, а уж лучше попытайтесь овладеть ею, если сможете. Не ломайте советского аппарата и лучше уже потом по своему вкусу его переделайте. И не подрывайте еще раз авторитета государственной власти, потому что вновь его, пожалуй, не восстановите.

